

ПИСЬМА И. И. ТОЛСТОГО К В. Я. ПРОППУ

Публикация А. Н. Мартыновой

Пять писем И. И. Толстого к В. Я. Проппу, хранящиеся в его фонде (№ 721) Рукописного отдела Института русской литературы, несомненно представляют научный интерес. Иван Иванович Толстой (1880—1954) — филолог-классик, академик по Отделению литературы и языка (с 1946 г.), заслуги которого в исследовании древнегреческой литературы, античной культуры значительны и разнообразны. Важным методологическим достижением И. И. Толстого в изучении античной литературы явилось привлечение фольклора, в том числе русского, позволившего вскрыть во многих античных сюжетах фольклорные источники. Можно предположить, что знакомство ученых началось не позднее 1920-х годов. И. И. Толстой закончил Петербургский университет в 1903 г. (на 15 лет раньше В. Я. Проппа), а с 1908 г. началась его преподавательская деятельность. Весьма вероятно, что Владимир Яковлевич слушал его курс классической античной литературы. Но что несомненно — это их совместная работа в Сказочной комиссии Географического общества. Автору этих строк Владимир Яковлевич говорил: «Это была настоящая сказочная комиссия! И работал в ней прекрасный, замечательный человек — Иван Иванович Толстой!» В. Я. Пропп с большим уважением и любовью относился к своему старшему коллеге. 15 марта 1965 г. он записал в своем дневнике: «Какое наслаждение читать И. И. Толстого. Это был один из немногих при моей жизни *настоящих* людей и крупных ученых. Против него все теперешние какая-то мелюзга. Они не имеют нутра и нутряного отношения к своему делу».¹

В 1965 г. В. Я. Пропп начал готовить к изданию книгу И. И. Толстого «Статьи о фольклоре»² и сопроводил ее интересной и глубокой статьей, в которой анализирует установленные в работах И. И. Толстого связи античной культуры с фольклором, народным бытом и историей. Подчеркивая то новое, что внес И. И. Толстой в методологию исследования античной культуры, он пишет, что его работы раскрыли важное для понимания античной культуры положение: «народная традиция, для античной культуры никем не записанная и не зафиксированная, оказывается тем невидимым, как бы подземным живым родником, который питает величественную античную культуру».

¹ *Протт В. Я.* Дневник старости. 1962—196... // Неизвестный В. Я. Пропп / Предисловие, составление А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 308.

² Книга вышла в свет в издательстве «Наука» (М.; Л.) в 1966 г.

туру в ее зримых памятниках».³ Работал Владимир Яковлевич над этой книгой очень интенсивно. 13 января 1965 г. он записал в дневнике: «...подобрать и заказать в П<убличной> Б<иблитеке> все, относящееся к Толстому...»,⁴ а 15 марта намечает: «Заключить всю работу о Т<олстом>». 4 мая того же года он пишет: «Я люблю И<вана> И<вановича> Толстого, хочу поставить ему памятник».⁵

Письма И. И. Толстого свидетельствуют о том, как много для него значило мнение В. Я. Проппа о его работах, а также говорят не только об общности их научной методологии, но и общности их взглядов на окружающую действительность.

Три письма И. И. Толстого отправлены В. Я. Проппу из Казани в Саратов: в этих городах находились ученые, в 1942 г. эвакуированные из блокадного Ленинграда. Четвертое письмо датировано 11 апреля 1945 г. и отправлено из Казани в Ленинград, куда возвратился в конце войны В. Я. Пропп. Последнее (не датированное) письмо-приглашение написано И. И. Толстым после возвращения его в Ленинград.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в фонде В. Я. Проппа в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН (ф. 721, оп. 1, № 438). В ломаных скобках раскрыты сокращения слов.

1

10 сентября 1943 г. Казань

Дорогой Владимир Яковлевич!

Получил от Вас через любезное посредство Татьяны Николаевны¹ Ваше письмо, за которое глубоко благодарю Вас. Я давно хотел получить от Вас весточку, письмо от Вас, а не о Вас: о Вас я справлялся и знал, что Вы в Саратове; значит, представлял себе хорошо внешние условия Вашей жизни. Вы рассказали мне в нескольких строках Вашего письма Вашу внутреннюю жизнь, и за Ваше доверие ко мне позвольте выразить Вам глубочайшую признательность. Я был всегда, даже последнее время, т. е. уже в преклонных годах, оптимистом, верил в жизнь и любил ее, ценил самый феномен жизни и то хорошее, что жизнь несет в себе каждому, ею пользующемуся. Но несчастья, горе невозвратимых утрат, смерть жены,² неизвестность о судьбе сына, от которого я так до сих пор не имею известий, сломили мою жизненную устойчивость. Я попробовал описать Вам бездну своего горя и разорвал письмо: вышла пошлятина. Не выразишь своего состояния. Вспоминается фраза Вертера, которого однажды летом, на даче, я как-то читал вслух жене: «Ach, was ich weiß, kann jeder wissen — mein Herz hab'ich allein».³

Не вижу кругом ничего отрадного: ужас бессмысленной, дикой бойни, а ближайшее быгговое зрелище то же, какое разворачивается и перед Вами в Саратове — картина циничного, наглого воровства. Господи! как воруют! Какой беспредельный цинизм воровства!

³ *Протт В. Я. Труды академика Ив. Ив. Толстого по фольклору // И. И. Толстой. Статьи о фольклоре / Сост. и отв. ред. В. Я. Пропп. М.: Л., 1966. С. 17.*

⁴ Дневник старости. С. 293.

⁵ Там же. С. 311.

В душе тоска, неизбывная, страшная, доводящая порой до какого-то безумия.

Как и Вы, пробую работать. Нет, не пробую, а работаю. Пишу небольшую монографию об античной сказке. Ведь и Вы работаете над эпосом и контаминациями. В связи с этой работой написал по приглашению Академии доклад, который должен читать на Сессии в Отделении. Тема доклада общая: «Античный миф и русская сказка». Собираюсь выдвинуть некоторые общие положения:

1) Сказки как жанр в античности существовали еще до гомеровского эпоса.

2) Стержневые персонажи мифа изменчивы по вариантам, и сюжет как таковой стоит вне зависимости от сакрального содержания тех фигур, которые в нем выступают.

3) Религиозный обряд не единств<енный> поэтому источник мифа, сюжет которого часто восходит к явлениям древнейшего социального быта. Тут, как и во многом, впрочем, другом, мы с Вами сходимся.

4) Примитивный сюжет есть продукт примитивного мышления, и зарождение древнейших форм сказа (то есть примитивная группировка образов, приводимых средствами слова и жеста в определенную взаимную связь) синхронично глоттогоническому⁴ процессу.

Я все больше прихожу к убеждению, что главное в сюжете — схема. «Мотивы» ничего общего не имеют с сюжетом: сюжет — это формула образов, а не мотивов. Ваша трудночитаемая магистерская диссертация подлежит вновь и вновь изучению.⁵

Сюжетные схемы, число которых, по всей вероятности, ограничено, как число грамматических форм, интерпретируют представления о героях и простых людях, вбирая образы последних в себя, подобно тому, как мысль, для ее выражения в слове, вбирается в предложение, подчиняясь законам синтаксиса.

На последнем заседании Института Литературы⁶ я читал доклад жены, почти ровно через год после ее смерти, был рупором, передатчиком ее живой мысли. Я как бы слышал ее, эту мысль, мысль автора. В докладе своем и для меня самого, и для слушателей автор оставался живым. Хотелось задать автору ряд вопросов. Самая тема доклада заинтересовала бы и Вас: «Отрицательное сравнение» (Опыт сравнительной морфологии) — один из кардинальных вопросов исторической поэтики. С большими фольклорными иллюстрациями. Институт обещал мне напечатать эту работу! Вообразите всю меру моей радости и внутреннего удовлетворения, конечно, все это пока *in spe*.⁷ Плоткин⁷ хлопчет в Москве об издании «Ученых трудов»⁸ Института Литературы.

Спасибо Вам еще раз за Ваше доброе, хорошее письмо, и Вашу добрую память и о живом, и о мертвой.

Ваш Ив. Толстой.

⁴ в будущем (*лат.*).

Крепко жму Вам руку и прошу Вас передать мой искренний привет Вашей жене,⁹ если она меня еще помнит.

Казань, ул. Комлева 9, комната 11.
10 сентября 1943 г.

¹ Неустановленное лицо.

² *Меликова-Толстая Софья Венедиктовна* (1885—1942) — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Ленинградского государственного университета.

³ «Ведь то, что я знаю, узнать может всякий, а сердце такое лишь у меня». См.: *Гете И. Страдания юного Вертера* // И. Гете. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Эгмонд. Фауст / Пер. Н. Касаткиной. М., 1973. С. 29.

⁴ Глоттогонический — языковой (*лат.*).

⁵ И. И. Толстой имеет в виду книгу В. Я. Проппа «Морфология сказки», изданную в 1928 г., за которую ему без защиты была присвоена степень кандидата филологических наук.

⁶ С 1949 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Во время Великой Отечественной войны находился в эвакуации в Казани.

⁷ *Плоткин Лев (Лейб) Абрамович* (1905—1978) — литературовед и критик, доктор филологических наук. В 1941—1948 гг. — заместитель директора, в 1948—1949 гг. — временно и. о. директора Пушкинского Дома.

⁸ Издание не состоялось.

⁹ *Ашшипова Елизавета Яковлевна* (1905—1979) — старший преподаватель кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков, преподаватель английского языка.

2

10 ноября 1943 г. Казань

Казань. 10 ноября 1943 г.
Ул. Комлева 9, комн. 11.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Давно стремлюсь ответить Вам на Ваше второе письмо, за которое душевно Вас благодарю, от 11 октября. Страшно хочется мне поделиться с Вами своими мыслями, проверить себя в Вашей критике: мы близки друг к другу по направлению наших мыслей, и Вашим мнением я дорожу, может быть, более, чем мнением кого-либо другого. Говорю совершенно искренно и думаю, что клятвы здесь не нужно. Вы сами прекрасно знаете, что это именно так. Доклад мой на сессии¹ сошел благополучно: он, видимо, заинтересовал. Я удостоился даже одобрения со стороны акад. Орлова,² а Крачковский³ в частной беседе (человек скупой на любезности) отмочил мне такой комплимент, который мне и говорить совестно. Но не было среди моих слушателей такого, действительно компетентного лица, каким являетесь в таком случае Вы. Инст<итут> Лит<ературы> просит меня повторить доклад в Институте, что я и сделаю на днях, если буду жив и здоров. Может быть, удастся его напечатать в I выпуске Трудов Инст<итута> Лит<ературы>, с идеей издания которых носится теперь Плоткин. В тот же первый выпуск представил я

к напечатанью и работу моей жены «Отрицательные сравнения», о чем Вам уже, помнится, сообщал. Но улита едет, когда-то будет: хочу поэтому послать вам теперь же тезисы своего доклада. Если хватит энергии и если улучу свободную минутку, пришлю Вам выписку из своего доклада в обоснование главного мною защищаемого тезиса: уж очень хочется знать Ваше о нем суждение. Теперь же, в качестве предисловия, скажу лишь одно: выводить сюжет мифа исключительно из сакральной природы бога или героя, являющегося действующим лицом мифа, принципиально, на мой взгляд, неправильно. Попытки такого рода, в сущности, близки к установкам старой классической филологии середины XIX столетия, искавшей раскрыть источники мифологии путем реконструкции содержания тех представлений, какие предположительно должны были связываться античными греками с фигурами их божеств.

На этом пока кончаю.

Конечно, Вы правы: ключ всего в этнографии. Это, безусловно, так. К сожалению, я этим ключом очень плохо владею, но отдаю себе ясный отчет в его огромной, исключительной, большой научной ценности. Тем большую важность приобретают в моих глазах Ваши занятия по изучению примитивных сказочных текстов. Татьяна Николаевна говорила мне о том, какой интересный доклад сделали Вы им в Саратове; к сожалению, она не могла пересказать мне на память его конкретное содержание.

В Саратов я не приеду: не в состоянии буду приехать. Дорога трудная, а ко мне неделю тому назад неожиданно вернулись мои злосчастные желудочные боли. Боюсь стать вновь инвалидом и не решаюсь поэтому рисковать. Что делать! Нельзя. В Москву решил не переезжать, и в бытность свою на сессии заручился у своего патрона и тезки, Ив<ана> Ив<ановича> Мещанинова,⁴ разрешением зимовать в Казани. В Казани можно работать. Кроме того, акад<емик> Мещанинов назначил меня приказом «уполномоченным по казанской группе ИЯМ'а».⁵ Я числюсь теперь в составе ИЯМ'а, хотя работаю (бесплатно) в Институте Литературы. В качестве официального лингвиста обязался дать к весне очерк общей картины гомеровского языка. Очерк этот увязывается мною естественно с литературной стороной явления т<ак> наз<ываемого> «гомеровского диалекта» и с вопросами сложения и бытования античного эпоса. Никаких открытий делать не собираюсь, а просто хочу сообщить товарищам, что нам известно и что принадлежит к безбрежной области предположений. Ведь и такая работа может оказаться, по-моему, полезной. Как вы думаете?

Крепко жму руку. Ваш Ив. Толстой.

Копия тезисов,
написанная к моему
сессионному докладу
на Отделении в Москве.

Тезисы

к докладу члена-корреспондента Академии Наук СССР

И. И. Толстого

«АНТИЧНЫЙ МИФ И РУССКИЕ СКАЗКИ».

1. Сказка в античном обществе бытовала как особый, самостоятельный жанр.

2. До нас дошли реликты античных сказочных формул и характерные стиглевые фигуры сказочной речи.

3. Появление сказочного жанра у древних греков предшествовало созданию гомеровского эпоса.

4. Ближайшие аналогии повествовательной форме русских и западноевропейских сказок даст ареталогический⁶ жанр эллинистической эпохи.

5. Стадиально более примитивный, русский сказочный материал часто содействует раскрытию смысла иных из деталей хронологически более древнего, античного мифологического сюжета.

6. В основе поэмы Александрийского поэта Каллимаха⁷ «Гекала» лежит сказочный эпизод, адекватный эпизоду, закономерному для композиции схемы одной из русских сказок.

7. Стержневые персонажи мифологического сюжета изменчивы по отдельным его вариантам, и сюжет, как таковой, стоит вне зависимости от сакрального характера тех фигур, которые в нем действуют.

8. Обряды религиозного культа не единственный источник мифа.

9. Наблюдаются случаи использования сказочной схемы сакральными мифами древней Греции.

10. Сюжет мифа нередко восходит к реальным явлениям древнейшего социального быта.

11. Для сказочного сюжета типична кольцевидная схема образов.

12. Примитивный сюжет есть продукт примитивного мышления, и зародыши древнейших форм сказа (то есть примитивная группировка образов, приводимых средствами слова и жеста в определенную взаимную связь) синхроничны глоттогоническому процессу.

¹ Имеется в виду сессия Академии наук, проходившая в Москве, куда выезжал И. И. Толстой.

² Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — литературовед, историк русской литературы, академик по Отделению общественных наук с 1921 г.

³ Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — арабист, профессор многих учебных заведений СССР, член ряда зарубежных академий. Академик АН СССР с 1921 г.

⁴ *Мецианинов Иван Иванович* (1883—1967) — языковед, археолог, этнограф. Академик по Отделению общественных наук с 1932 г., директор Института языка и мышления (1935—1950).

⁵ ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР.

⁶ Ареталогический — от *α'ρετη* (*греч.*) — «чудо»; термин «ареталогия» прилагается к жанру легенд, повествующих о чудесах.

⁷ *Каллимах* — греческий поэт (310 г. до н. э.), представитель александрийской поэзии, создатель нового литературного жанра — поэзии малых форм. Поэма «Гекала» — сборник небольших повествований, элегий, где разработаны редкие легенды, объясняющие возникновение различных обрядов, праздников и т. д. См. статью И. И. Толстого «„Гекала“ Каллимаха и русская сказка о бабе-яге» (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1941. № 63. Сер. филол. наук. Вып. 7. С. 7—19).

3

17 ноября 1943 г. Казань

Казань, ул. Комлева 9, комната 116.
17 ноября 1943 г.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Искать свободной минуты бесполезно. А потому бросаю все и, выполняя заветное свое желание представить Вашему вниманию то основное, что я в своем докладе Академии старался сказать, делаю выписку из текста своего черновика.

«Конечно, складывание мифа на почве религии, точнее говоря — на почве культового обряда — общеизвестно. Примеры „священных повествований“, храмовых, жреческих или фольклорных *ἱεροῖ χόροι*,^а поясняющих, например, удержавшийся от далекого прошлого, непонятный обряд, бесчисленны.* Ограничивать, однако же, исторический процесс сюжетосложения одними только религиозными факторами равнозначно было бы отрицанию возможности появления вообще сказа в эпоху дорелигиозного мышления.

Зародыши древнейшего сказа или группировки образов, приводимых человеческой мыслью средствами слова и жеста в определенную взаимную связь, без сомнения, восходят к древнейшим же историческим стадиям человеческого мышления: по всей вероятности, он синхроничен процессу самой глоттогонии.

Всякий, даже простейший, сюжет основан на той или иной повествовательной схеме, обычно дающей фигуру замкнутого кольца. Образуется сюжет не механическим сочетанием мотивов, а путем сознательной синтактики образов, взятых в их движении. Сказка о журавле и цапле построена не на мотиве сватовства, а на симметричном сочетании образов, связанных с актом сватовства. Сватовство журавля само по себе еще не дает сюжета. Сюжет образуется сочетанием образов тех движений, какими характеризуются действия персонажей:

^а священные повествования (*греч.*).

* Примечание, обращенное к Вам: с диссертацией Вашей я согласен. Я, кажется, Вам не противоречу: план волшебной сказки, как Вы это доказываете, может быть, возник, действительно, на почве инициации.¹ Но 1) я говорю не о плане, не о фабуле, а об элементах сказа, и 2) самый этот план вырос из реальных данных быта, практически творившегося обычая.

журавль посватался, цапля отказала; тогда посваталась цапля, а журавль ей отказал. Сюжет образуется здесь лишь благодаря сочетанию второго члена синтагмы с первым. Человек прицелился в птицу, птица просила человека в нее не стрелять, а взять ее с собою домой и кормить. Человек принес птицу домой, откормил, и благодаря ему птица унесла человека в далекую землю. И здесь опять схема сюжета имеет форму замкнутого кольца. На древнейших стадиях человеческой культуры идеология примитивных схем, внутреннее их содержание коренилась, конечно, в условиях совершенно нам чуждого быта, вырастала на почве рефлексов и ассоциаций, от нас чрезвычайно далеких, построилась на принципах умозаключений, разумеется, мало наминавших начала нашей, нам современной логики. Генетика их, очевидно, связана с их палеонтологией. Каталоги сюжетов имеются, и они служат величайшим научным подспорьем: эти каталоги — величайшее научное завоевание в области изучения сказочного фольклора. Но сами по себе сюжетные схемы до сих пор еще недостаточно научно исследованы. А между тем, именно они-то, должно быть, и представляют основные, так сказать, начатки сюжетосложения. Продукт примитивного мышления, примитивный сюжет, возникал, очевидно, как одна из реакций человеческой мысли на окружавшие человека многообразные явления жизни, формуя простейшие схемы сказа, постепенно утверждавшиеся затем в практике нарождавшегося художественного мастерства речи. По вопросу о том, что считать примарным,² миф или сказку, старая точка зрения, выдвинутая в свое время Вильгельмом Гриммом,³ решительно утверждавшая примарность именно мифа, вряд ли можно (так! — *А. М.*) считаться сейчас правильной. Скорее следует предполагать обратное: в основе древних сказаний о богах и героях должна, несомненно, лежать во многих случаях схема древнейших фольклорных сказов. Бывает, разумеется, и другое: в новогреческом, скажем, фольклоре нередки случаи возникновения как раз сказок на фоне популярных античных мифов. Это явление вполне естественно, но это, конечно, явление совсем иного порядка».

Ошибаюсь я или прав?

Фольклорная секция Института Литературы в Казани совсем многочисленна: *А. М. Астахова*⁴ и вернувшаяся теперь в Казань и проживающая теперь здесь вместе со своими маленькими детьми *Поля Ширяева*.⁵ *Анна Михайловна* вплотную работает над своей докторской диссертацией по поэтике русских былин.⁶ На очередных заседаниях Института, которые происходят часто, уже прочла ряд глав из своей диссертации, очень солидных и интересных. Слабое место, по которому, чувствуется, ее будут бить, это — ее чрезмерное, может быть, увлечение сюжетами новых, современных былин и сказок и поэтикой и самой личностью новых, современных сказителей. Но материалом она владеет огромным и в совершенстве знает старую литературу. *Евгеньева*⁷ тоже пишет докторскую диссертацию, о языке былин *Кириши Данилова*. Тоже хороший, солидный работник и, притом, основательно образованная лингвистка.

Простите, что злоупотребляю терпением Вашим и отнимаю у Вас Ваше время. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Толстой.

¹ Имеется в виду докторская диссертация В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», защищенная им в Ленинградском университете 15 июня 1939 г. Официальные оппоненты: И. И. Толстой и Д. К. Зеленин. Опубликовано в 1946 г.

² примарный — первичный (*лат.*).

³ *Гримм Вильгельм* (1785—1863) — немецкий филолог, основоположник мифологической школы в фольклористике, профессор Геттингенского университета, член Прусской Академии наук.

⁴ *Астахова Анна Михайловна* (1886—1971) — фольклорист, сотрудник Пушкинского Дома.

⁵ *Ширяева Пелагея Григорьевна* (1903—1986) — фольклорист, сотрудник Пушкинского Дома.

⁶ Докторскую диссертацию «Северный период в истории русской былины» А. М. Астахова защитила в 1944 г. Одним из оппонентов на защите был В. Я. Пропп. Опубликовано: Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

⁷ *Евгельева Анастасия Петровна* (1899—1985) — русист, лингвист, лексиколог, лексикограф, диалектолог. Докторская диссертация А. П. Евгеньевой «Очерки по языку русской устной поэзии» опубликована в 1963 г.

4

11 апреля 1945 г. Казань

11 апреля.
1945 г.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Очень обрадовался Вашему письму, за которое горячо благодарю Вас. Надеюсь уже скоро теперь свидеться с Вами: собираемся возвращаться летом, а сейчас — не знаю, как у Вас в Ленинграде, а у нас в Казани — весна. Бурно несутся по улицам вешние воды. Думаю о Ленинграде, стараюсь закончить свои казанские работы, чтобы привезти в Ленинград что-то более или менее готовое. Ваше сообщение о новой надежде на появление Вашей книги¹ в печати страшно меня обрадовало. Сколько раз в студенческой аудитории я ее цитировал с кафедрами! Ее выход в свет будет для меня, уверяю Вас, не меньшим праздником, чем для Вас самих.

Мне сообщали уже о Вашем блестящем выступлении на защите докторской диссертации А. М. Астаховой.² Ваша речь, видимо, заставила говорить о себе: те, кто не знал Вас раньше, были — я это ясно чувствую — поражены.

В Казани сильно чувствуется провинция, одиночество, особенно теперь, когда вся московская и ленинградская <...>³

В марте защитила кандидатскую диссертацию при Казанском университете хорошо знакомая Вам Н. М. Элиаш,⁴ «О русской колыбельной». Она надеялась иметь своим оппонентом Вас, но Вы тогда уже покидали Саратов, и волею судеб главным оппонентом ее пришлось быть мне! Вторым — был сам декан филфака, проф. Вознесенский, Александр Николаевич.⁵

Может быть, из всех русских работ, какие я в свою бытность в Казани читал, особенно понравилась мне научностью подхода и ши-

ротой поставленных молодым автором перед собою задач диссертация Колесницкой⁶ — она дала мне возможность внимательно прочитать ее работу, когда приезжала в Казань. Хорошая работа — о загадках. Видна хорошая школа. Думается, в первую голову — Ваша. Верно? Но автор еще очень молод и может легко свою школу забыть, подпасть под новые влияния и испортиться, что было бы жаль. Мне особенно понравился здоровый уклон в сторону этнографии и порыв (так! — *А. Н.*) с эстетизмом.

Потрясен смертями: Щерба,⁷ мой университетский товарищ, крупнейший из наших лингвистов; потом безвременная кончина талантливейшего языковеда, еще молодого ученого — Рифтина,⁸ а вчера в «Известиях» читаю о смерти Балухатого.⁹ Ужас! Какие утраты! Какая жалость! Если не трудно, напишите мне какие-нибудь подробности: я ничего не знаю. Крепко жму Вам руку.

Ваш Ив. Толстой.

¹ И. И. Толстой имел в виду книгу В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», вышедшую в свет в 1946 г.

² Защита докторской диссертации А. М. Астаховой состоялась 14 декабря 1944 г. в Ленинграде, куда фольклористка вернулась из эвакуации из Саратова в мае того же года.

³ Середина письма отсутствует.

⁴ *Элиаш Надежда Михайловна* — филолог, фольклорист. Диссертация Н. М. Элиаш «Русские народные колыбельные песни. Опыт классификации фольклорного жанра» в машинописном варианте хранится в Российской государственной библиотеке. На обложке обозначено: «Сызрань. 1944».

⁵ *Вознесенский Александр Николаевич* (1888—1966) — профессор Казанского университета, первый заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы на филологическом отделении, восстановленном незадолго до начала Великой Отечественной войны (1940). Специалист по белорусской литературе. См.: Казанский университет. 1804—1979. Очерки истории. Казань, 1979. С. 250.

⁶ *Колесницкая Ирина Михайловна* (1917—1994) — фольклорист, литературовед. Во время войны она находилась вместе с Ленинградским университетом в Саратове, где и защитила кандидатскую диссертацию о загадке.

⁷ *Щерба Лев Владимирович* (1880—1944) — языковед, специалист в области русистики, славистики, лексикографии, фонетики, академик по Отделению литературы и языка с 1943 г.

⁸ *Рифтин Александр Павлович* (1900—1945) — лингвист, профессор кафедры общего языкознания, заведующий кафедрой общего языкознания (1943—1945) Ленинградского государственного университета.

⁹ *Балухатый Сергей Дмитриевич* (1893—1945) — литературовед: член-корреспондент АН СССР (с 1943 г.).

5

Между 1945 и 1950 г. Ленинград

Дорогой Владимир Яковлевич!

Шлю сердечнейший Вам привет и глубоко благодарю Вас за Вашу записку, любезно переданную мне Г. А. Стратановским.¹

Всматриваясь в программу Ваших свободных и Ваших занятых дней и часов, прихожу к заключению, что наиболее удобные для Вас дни, это вторник и пятница. Поскольку же вторники часто бывают

у меня заняты ИЯМ'ом, хочу просить Вас навестить меня в пятницу 26-го вечером, часов в 8 или в половине девятого. В случае, если 26-го Вы почему-либо ко мне не приедете, разрешите ждать Вас тогда в понедельник 29-го, в те же часы. Пожертвуйте вечером! Буду глубоко благодарен Вам. Знаю, как труден городской транспорт, а потому вдвойне ценю Вашу дружбу!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ив. Толстой.

P. S. Стратановский был у меня позавчера, или вернее — два дня тому назад, 15-го.

¹ *Стратановский Георгий Андреевич* (1901—1986) — филолог-классик, доцент Ленинградского государственного университета в 1937—1953 гг.